

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В 1927–1934 гг.

Н. Н. Назаренко

*Южно-Уральский государственный медицинский университет, г. Челябинск,
Российская Федерация*

Рассмотрен вопрос естественного движения населения Уральской области РСФСР и Башкирской АССР в 1927–1934 гг. и проведена оценка с использованием коэффициента его результативности (КРЕД), используемого в современной российской демографии для оценки демографической ситуации в современных регионах России. Показано, что происходившие в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. социально-экономические процессы коллективизации и индустриализации катастрофически не отразились на результативности естественного движения населения Урала. Краткосрочный демографический кризис был в городах Урала в 1933 г. На селе падение результативности естественного движения населения было в отдельных регионах Среднего Урала. Ситуацию в городах, исходя из динамики результативности естественного движения населения, нельзя полагать началом демографического перехода, а локальное непродолжительное падение результативности естественного движения населения Урала в 1933 г. – демографический кризис не коллективизации и сельского населения, а в первую очередь индустриализации (городов и прилегающих урбанизированных регионов). Для населения Урала за весь рассмотренный период в целом характерен достаточно высокий показатель естественного прироста с общим приростом городского населения около 140 тыс. чел. и сельского – 1 млн 260 тыс. человек. Результативность естественного движения населения Урала в считающемся катастрофическим 1933 г. была гораздо лучше, чем в 2023 г. и 1892 г.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, естественное движение населения, 1920–1930-е гг., 1933 г., Урал, Уральская область РСФСР, Башкирская АССР.

Введение

Уральский регион во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. в административно-территориальном отношении включал в себя конституционно оформленную в 1925 г. Башкирскую АССР и образованную в 1923 г. Уральскую область РСФСР, в которую вошли старопромышленные регионы Среднего Урала, аграрный Южный Урал, Западная Сибирь и Тобольский Север с его лесными ресурсами, формируя самодостаточный в экономическом плане макрорегион [1, с. 46]. С точки зрения современного административно-территориального устройства это территория Уральского федерального округа, Пермский край и Республика Башкортостан. Географически относящаяся к Уралу Оренбургская область в тот период входила в Средне-Волжский край (Поволжье), в связи с чем в настоящем исследовании не рассматривается.

В современной историографии вторая половина 1920-х – начало 1930-х гг. в СССР обычно рассматриваются в контексте двух важнейших экономических реформ – коллективизации и индустриализации. Если в советский период эти реформы аграрного и промышленного секторов экономики оценивались в позитивном ключе, то современные историки значительное внимание уделяют их негативной оценке, в первую очередь ука-

зывая на процессы раскулачивания, депортации и репрессирования различных социальных групп населения, а также негативные экономические последствия, увязывая с ними голодные проявления и голод 1932–1933 гг.

На Урале, где проходила коллективизация и крайне активно шла индустриализация, а в регион и через него в Сибирь шли миграционные потоки и депортация нелояльных власти слоев населения, экономические реформы и миграция должны были отразиться на демографии, в том числе и на процессах естественного движения населения (рождаемость и смертность) как в городах, так и в сельской местности.

Таким образом, задачей данной работы является сравнительная оценка результативности естественного движения населения Уральской области РСФСР и Башкирской АССР в период активных экономических преобразований (1927–1934 гг.).

Обзор литературы

Демографические процессы на Урале в связи с процессами коллективизации, индустриализации и голодом 1932–1933 гг. в современной историографии достаточно подробно рассмотрены и обобщены уральскими исследователями [2–5].

Авторы указывают, что точность демографической статистики того времени на Урале оставляла желать лучшего. Проблема полноты охвата учетом

населения и точности его учета имела место, что отражалось в отчетах местных статистических органов. В связи с активной миграцией в города Урала в результате активно идущей «сверхиндустриализации» возникают вопросы, связанные с точностью учета не только рождаемости и смертности, но и наличного населения.

Еще одной проблемой является наличие и представление данных о рождаемости и смертности. Так, по Башкирской АССР приводятся ряды рождаемости и смертности в абсолютных числах [6, с. 217], что вызывает вопросы корректности сопоставления данных, особенно на фоне проблемы точности учета. Ряды рождаемости и смертности по Уралу построены по показателям, выраженным в промилле [2, с. 492, 495], судя по всему, рассчитанным на численность населения. Однако сопоставление этих коэффициентов за 1933 г. с данными статистической отчетности тех лет [7, л. 25–28; 8, л. 78–88, 91–92] вызывает вопрос: исходя из какой численности населения рассчитаны коэффициенты? Также опубликованы архивные данные с коэффициентами рождаемости, смертности и естественного прироста населения Уральской области в 1932–1934 гг. [9, с. 257–258], однако для 1933–1934 гг. эти данные – доисчисленные и оценочные [7, л. 15], а в документе данные по населению по месяцам приведены только за 1934 г. [7, л. 25] (в сборнике [9, с. 257–258] они не опубликованы).

Величины коэффициентов рождаемости и смертности критически зависят от того, какие именно показатели численности населения взяты при расчетах – показатели зарегистрированного, постоянного, наличного, среднегодового, обслуживаемого территориальными органами ЗАГС населения. Соответственно, используемые разными авторами показатели вызывают вопросы, какую численность населения (каким образом его учитывали) использовали в расчетах.

При этом еще в конце XIX века известный российский статистик В. И. Покровский рассматривал схожую проблему связи естественного прироста населения с социально-экономическими проблемами (анализировались рыночные цены на зерно и урожайность) в условиях, когда невозможен точный учет не только рождений и смертей, но и численности населения губерний Российской империи. Для оценки естественного прироста им был предложен показатель «живучесть», который рассчитывался как отношение числа учтенных рождений к числу учтенных смертей [10, с. 183]. В современных исследованиях естественного движения населения России был предложен коэффициент результативности естественного движения (КРЕД) населения как отношение числа умерших к числу родившихся на 1000 [11], который является выраженной в промилле обратной величиной

«живучести» В. И. Покровского и также не зависит от численности населения.

КРЕД позволяет в оценках отчасти снять проблему точности учета рождений и смертей, «уйти» от проблемы точности учета населения, корректно сравнивать результативность естественного движения населения административных единиц с разной площадью и численностью населения с построением динамических рядов, что дает возможность корректной сравнительной оценки очагов депопуляции населения на одной и той же и на разных территориях в разные годы. Поскольку КРЕД исходит из смертности (чем она выше, тем выше КРЕД и хуже результативность естественного движения), это важно для оценки уровней демографических катастроф – КРЕД свыше 1000 указывает на естественную убыль населения.

Методы исследования

Методологической и методической основой исследования стали общенаучные методы историзма, научного сравнения, анализа, синтеза, типологизации, демографо-статистические методы и методы геоинформационного картографирования.

В качестве источниковой базы использованы отчеты об учтенном числе родившихся и умерших в РСФСР, подготовленные статистиками Центрального Управления народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР в связи с переписью населения 1937 г. по архивным отчетам региональных статистических управлений [12, л. 15–22]. Для Уральской области РСФСР возможно построение непрерывных корректных рядов рождаемости и смертности за период 1927–1934 гг. (1933–1934 гг. как сумм показателей по Свердловской, Челябинской и Обско-Иртышской областям, на которые была разукрупнена Уральская область РСФСР). Далее построение корректного ряда по этим данным не представляется возможным из-за передачи восточных районов в новообразованную Омскую область и Воткинского и Сарапульского районов на западе в Удмуртскую АССР, более точная оценка возможна только с учетом порайонных данных из другой отчетной документации. Для корректного сравнения показатели соседней Башкирской АССР взяты за тот же период 1927–1934 гг.

Рассчитывались величины КРЕД как отношение числа умерших к числу родившихся на 1000 для городского и сельского населения. Для сравнительной оценки также выполнялся расчет КРЕД за 2023 г. по Уральскому федеральному округу и Пермскому краю, территория которых в современных границах сопоставляется с административными границами Уральской области РСФСР в рассматриваемый период, и по Республике Башкортостан [13]. Также рассчитывался КРЕД населения за 1892 г. по уездам, сопоставляемым с территорией Уральской области РСФСР и Башкирской АССР в границах 1933 года [14, 15].

Результаты и дискуссия

Рассчитанные показатели результативности естественного движения городского населения Уральской области (табл. 1) в целом сопоставляются с выводами Г. Е. Корнилова [5, с. 126–127]: конец 1920-х гг. в уральских городах характеризуется высокими показателями КРЕД, фактически указывающими на высокий и стабильный рост городского населения за счет почти двукратного превышения рождаемости над смертностью. Такая же картина характерна и для городов Башкирии (табл. 2). Городская популяция Урала, независимо от региона, в этот период характеризовалась единообразными процессами естественного воспроизводства населения и являлась стабильно устойчиво прогрессирующей (рождаемость, смертность и КРЕД колебались без тренда роста или падения) с достаточно высокой скоростью роста.

С 1930 г. ситуация в городах меняется, особенно резко в Уральской области, когда наряду с взрывным (почти на 30 %) ростом числа рождений наблюдается и взрывной (почти 50 %), опережающий рождаемость рост смертности, в результате чего результативность естественного движения населения падает. Похожие процессы шли и в Башкирии, но гораздо меньшей интенсивности, здесь результативность естественного движения стабилизировалась в следующем 1932 г. В городах же Уральской области кризисные явления продолжали развиваться.

Демографический кризис (под которым понимается резкое изменение показателей воспроизводства населения) в городах Уральской области проявился в виде естественной убыли населения исключительно в 1933 г. (КРЕД > 1000 (см. табл. 1)). В городах Башкирии, несмотря на гораздо меньшую естественную убыль, кризисные явления были сходными с городами Уральской области, хотя и менее интенсивными. По сути, демографический кризис 1933 г. одинаково ударил практически по всему городскому населению Урала. При этом в городах Уральской области в следующем 1934 г. ситуация улучшилась, вернувшись к показателям КРЕД, близким к показателям 1931 г. В башкирских же городах кризисные явления продолжались и в 1934 г., хотя и без естественной убыли населения.

Г. Е. Корнилов пишет, что на динамику естественного движения городского населения Урала в тот период повлияли социально-экономические условия [5, с. 130]. Однако, исходя из КРЕД, проходившие в конце 1920-х – начале 1930-х гг. социально-экономические процессы катастрофически не отразились на результативности естественного движения городского населения Урала в целом. Несмотря на кризис 1933 г., общий естественный прирост городского населения Уральской области за рассмотренный период был около 117 тыс. человек, а в Башкирии – около 23 тыс. человек.

Г. Е. Корнилов отмечает, что на динамику естественного движения городского населения Урала в тот период также повлияла демографическая «яма», вызванная Первой Мировой и Гражданской войнами [5, с. 128]. Однако, исходя из величин КРЕД (табл. 1), существенное влияние на ситуацию она также не оказала. Ситуацию в городах, по нашему мнению, нельзя в полной мере полагать началом демографического перехода, а можно рассматривать как локальный внезапный краткосрочный пиковый демографический кризис 1933 г. урбанизированной части Уральского региона. Судя по всему, «взрывная» миграция в уральские города предыдущих лет [5, с. 129] в связи с индустриализацией дала кумулятивный эффект «миграционного скачка», приведшего сначала к резкому росту рождаемости, но далее к еще более резкому росту смертности, в связи с неприспособленностью мигрантов к городским уральским условиям, а также с краткосрочным перенапряжением систем жизнеобеспечения городов, которые усугубил кризис хлебозаготовок 1932 г. [16, 17]. В городах Башкирии кризисные явления проявились в меньшей степени, видимо, в связи с невысокой урбанизацией – по большей части это был демографический кризис в г. Уфе.

В современной историографии характеристика процессов коллективизации, как правило, сопровождается негативными оценками ее экономических последствий для сельского населения, в том числе указанием на падение уровня жизни, ухудшение питания и, как следствие этих процессов, массовый голод. В числе пострадавших указывается сельское население Башкирии и зернопроизводящих регионов Уральской области. Периодизация падения уровня жизни и голодных проявлений в некоторых публикациях датируется не только 1932–1933 гг., но и предыдущими и последующими годами [2, с. 492, 494; 4; 18, с. 55–57].

Такое описываемое в исследованиях падение уровня жизни и голод должны были непосредственно отразиться на естественном движении сельского населения и на его результативности. Между тем, в Башкирской АССР, исходя из величины КРЕД, процессы коллективизации и раскулачивания вообще не повлияли на результативность естественного движения населения: на протяжении всего рассматриваемого периода результативность крайне высокая, а рождаемость на селе более чем в два раза перекрывает смертность (табл. 2). И даже в кризисный для городов 1933 г., несмотря на некоторый рост, КРЕД в Башкирии был низким.

Сходная ситуация была и в сельской местности Уральской области (табл. 1): КРЕД несколько выше, чем в Башкирии, что объясняется более суровыми условиями Среднего и Северного Урала и Западной Сибири, однако его величина указывает на достаточно высокий уровень естественного

воспроизводства населения. Только в 1933 г. КРЕД приближается к уровню нулевого естественного прироста, но не показывает убыли сельского населения, а со следующего 1934 г. начинается его возврат к значениям начала 1930-х гг.

Таким образом, показатели результативности естественного движения населения не указывают на демографическую катастрофу в селах Урала в период коллективизации, раскулачивания, индустриализации и массовых депортаций населения. За рассматриваемый период естественный прирост сельского населения Башкирии был устойчиво высоким и даже с учетом некоторого падения в 1933 г. составил более 524 тыс. чел., что не указывает на ухудшение уровня жизни. В сельской местности Уральской области РСФСР, несмотря на близкий к нулевому в 1933 г., естественный прирост населения был около 736 тыс. чел. При этом период до 1931 г., когда на селе шли наиболее активные процессы коллективизации, характеризовался стабильным достаточно высоким естественным приростом, что также не указывает на падение уровня жизни. Локальным кризисным был только 1933 г., который на селе Уральского региона в целом проявился слабо.

Рассматривая демографические кризисы XX века на Урале, Г. Е. Корнилов пишет, что с начала 1990-х гг. XX века Уральский регион характеризуется новой продолжительной, не имеющей аналогов в истории демографической катастрофой, исследование которой только начато [2, с. 500]. В связи с этим показательна сравнительная оценка результативности естественного движения населения Урала в 2023 г. с величинами 1933 г. Территории Башкирской АССР и Уральской области 1933 г. по административным границам сопоставимы с современными границами Пермского края, Башкортостана и УрФО за исключением части западной границы (с 1935 г. два района в составе Удмуртии) и передачи Аргаяшского и Кунашакского района из Башкирской АССР в состав Челябинской области. Это позволяет сопоставлять индексы КРЕД по региону (табл. 1–2). Результативность естественного движения населения в считающемся в современной историографии катастрофическим 1933 г. как для территории, входившей в Уральскую область, так и для Башкирии выше, чем в 2023 г. Демографическая ситуация на Урале в кризисном 1933 г. в целом была гораздо лучше, чем в 2023 г.

Рассматривая статистику народонаселения европейской России, В. И. Покровский указывает 1892 г. как самый «печальный» по отношению к естественному движению населения [10, с. 202]. В связи с этим, а также с голодом 1891–1892 гг., поразившим значительные регионы России, показательно сравнение результативности естественного движения населения Урала в голодном 1933 г. с КРЕД «печального» 1892 г. На тот год рассмат-

риваемая территория Урала входила в состав Пермской, Уфимской, Оренбургской и Тобольской губерний Российской империи (табл. 3).

Результативность естественного движения в городах Уральской области РСФСР в 1933 г. (КРЕД 1563 (табл. 1)) ниже результативности естественного движения в городах губерний Урала в 1892 г. (КРЕД 1634 (табл. 3)). Фактически в 1933 г. города Урала с точки зрения естественного движения населения «провалились» на 40 лет в прошлое. Результативность естественного движения сельского населения Урала в 1933 г. (см. табл. 1) была гораздо лучше, чем в 1892 г., когда в уральских губерниях на селе была естественная убыль населения (см. табл. 3). Фактически в Уральском регионе на селе в 1933 г. в сравнении с 1892 г. демографического кризиса не было.

Границы уральских губерний Российской империи не совпадают с границами Уральской области РСФСР и Башкирской АССР 1933 г., уезды также не сопоставляются с районами 1930-х гг. Для более корректного сравнения региональной специфики результативности естественного движения населения 1892 и 1933 гг. карты административно-территориального устройства привязывались к единой топографической основе с последующей оцифровкой уездов 1892 г. и районов 1933 г. и привязкой к ним атрибутивной базы демографических данных. В этом случае пространственное распределение КРЕД указанных годов можно визуально сопоставить в границах 1933 г. (рис. 1).

В 1892 г. кризис естественного движения населения охватил практически весь юг, центр и восток рассматриваемого Уральского региона. Среди наиболее пострадавших были уезды Тобольской губернии. Кризис не затронул северо-запад (территорию современного Пермского края). В 1933 г. ситуация резко отличается – наиболее пострадали высокоурбанизированные районы Среднего Урала (районы современных Свердловской области и центра Пермского края) и север современного Пермского края. Как видно из географического распределения, снижение результативности естественного движения населения Урала в 1933 г. – кризис не коллективизации, а индустриализации (в первую очередь урбанизированных районов), а высочайшие КРЕД в северных районах будущего Пермского края, вероятнее всего, связаны с депортациями в этот регион сосланных и высланных.

Выводы

Городская популяция Уральской области РСФСР и Башкирской АССР во второй половине 1920-х гг. характеризовалась единообразными процессами естественного воспроизводства населения и являлась стабильно устойчиво прогрессирующей с достаточно высоким естественным приростом.

Исторические науки

С 1930 г. результативность естественного движения городского населения Урала начинает ухудшаться до резкого краткосрочного (1933 г.) демографического кризиса. Этот кризис в городах, по-видимому, связан с кумулятивным миграционным эффектом в связи с индустриализацией, когда первоначальный краткосрочный резкий рост рождаемости сопровождался более длительным и высоким ростом смертности в связи с неприспособленностью мигрантов к городским уральским условиям, с перенапряжением систем жизнеобеспечения городов и кризисом снабжения городского населения из-за кризиса продовольственных заготовок 1932 г. В следующем 1934 г. результативность естественного движения населения в городах Урала начала возвращаться к докризисным показателям.

Таким образом, происходившие в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. социально-экономические процессы, несмотря на локальный демографический кризис в городах в 1933 г., катастрофически не отразились на общей результативности естественного движения городского населения Урала: общий его прирост, несмотря на локальный годовой кризис урбанизированных регионов, за 1927–1934 гг. составил 140 тыс. чел., ситуацию в городах, исходя из динамики результативности естественного движения населения, нельзя полагать началом демографического перехода.

Показатели результативности естественного движения сельского населения не указывают на негативные демографические процессы в селах

Урала в период коллективизации, раскулачивания, индустриализации и массовых депортаций населения. Период до 1931 г., когда на селе шли активные процессы коллективизации, характеризовался стабильным достаточно высоким естественным приростом, что также не указывает на падение уровня жизни.

Демографический кризис в уральских селах проявился только в 1933 г. в форме локального падения результативности естественного движения сельского населения на Среднем Урале. В остальных регионах Урала естественный прирост был сниженным, но положительным.

В целом сельская популяция Урала характеризовалась высокими показателями воспроизводства даже несмотря на локальное (1933 г.) его падение с общим приростом за рассмотренный период около 1 млн 260 тыс. чел.

Локальное непродолжительное падение результативности естественного движения населения Урала в 1933 г. – кризис не коллективизации, а индустриализации (городов) и результат депортаций в северные районы будущего Пермского края.

Демографическая ситуация в 1933 г. была гораздо лучше, чем в 1892 г. и кризисном 1892 г. При этом города Урала с точки зрения естественного движения населения в 1933 г. оказались на уровне 1892 г., а результативность естественного движения сельского населения Урала в 1933 г. была гораздо лучше по сравнению с селами в 1892 г.

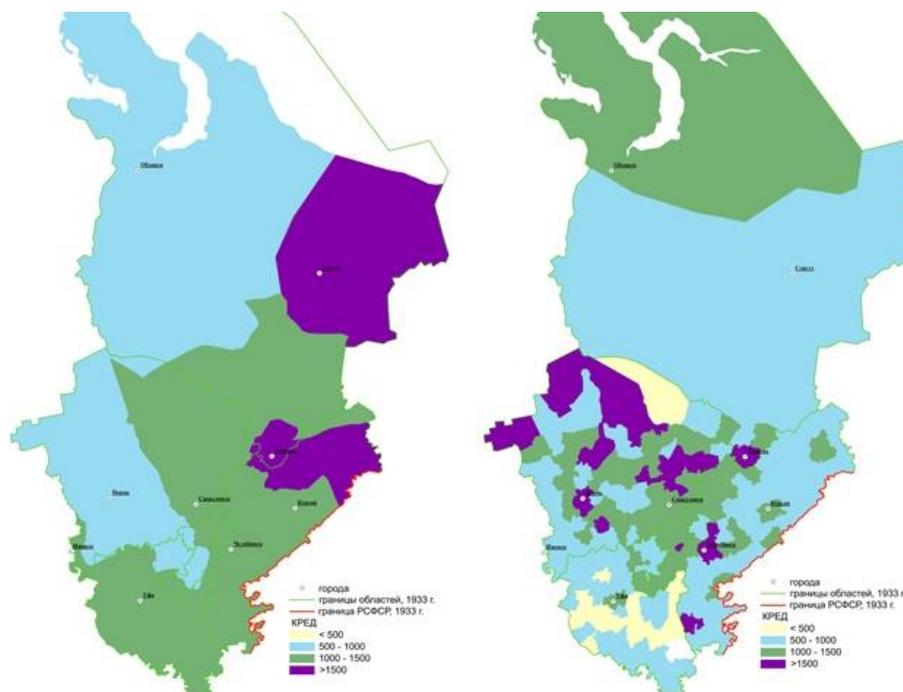

Рис. 1. Результативность естественного движения населения Уральской области РСФСР и Башкирской АССР в 1892 (слева) и 1933 г. (справа).

Составлено и рассчитано в границах 1933 г. [8, л. 78–88, 91–92; 14, 15]

Fig. 1. The efficiency of the natural movement of population of the Ural region of the RSFSR and the Bashkir ASSR in 1892 (left) and 1933 (right)

Таблица 1

Естественное движение населения (чел.) Уральской области РСФСР в 1927–1934 и 2023 гг.

Table 1

The natural movement of the population (people) of the Ural oblast of the RSFSR in 1927–1934 and 2023

Показатель	Года								
	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	2023
города									
Родилось	70145	74333	72133	74504	95636	101723	70091	82337	–
Умерло	39983	37867	41871	52310	76465	93215	109537	72851	–
Прирост	30162	36466	30262	22194	19171	8508	–39466	9468	–
КРЕД	570	509	580	702	800	916	1563	885	–
села									
Родилось	298500	318543	304503	272051	251305	197556	156401	134901	–
Умерло	189207	151616	166058	152846	159475	121279	151664	105920	–
Прирост	109293	166927	138445	119205	91830	76277	4737	28981	–
КРЕД	634	476	545	562	635	614	970	785	–
всего									
Родилось	369045	392876	376636	346555	346941	299279	226492	217238	139772
Умерло	229190	189483	207929	205156	235940	214494	261201	178771	174976
Прирост	139855	203393	168707	141399	111001	84785	–34709	38467	–35204
КРЕД	621	482	552	592	680	717	1153	823	1252

Примечание. Составлена и рассчитана: 1927–1932 гг. – в границах Уральской области г.г., 1933–1934 гг. – суммарно в границах Свердловской, Челябинской и Обско-Иртышской областей [12, л. 15–22]; 2023 г. – в границах современного Уральского федерального округа и Пермского края [13].

Таблица 2

Естественное движение населения (чел.) Башкирской АССР в 1927–1934 и 2023 гг.

Table 2

The natural movement of the population (people) of the Bashkir ASSR in 1927–1934 and 2023

Показатель	Года								
	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	2023
города									
Родилось	10727	10218	9456	10059	9926	11280	7963	8380	–
Умерло	5916	4531	5103	6150	7557	7543	10363	7812	–
Прирост	4811	5687	4353	3909	2369	3737	–2400	568	–
КРЕД	552	443	540	611	761	669	1301	932	–
села									
Родилось	115884	141318	130103	112003	113589	103025	88225	91200	–
Умерло	50995	44574	53741	38371	52519	35597	52324	42865	–
Прирост	64889	96744	76362	73632	61070	67428	35901	48335	–
КРЕД	440	315	413	343	462	346	593	470	–
всего									
Родилось	126611	151536	139559	122062	123515	114305	96188	99580	35388
Умерло	56911	49105	58844	44521	60076	43140	62687	50677	47701
Прирост	69700	102431	80715	77541	63439	71165	33501	48903	–12313
КРЕД	449	324	422	365	486	377	652	509	1348

Примечание. Составлена и рассчитана: 1927–1934 гг. – в границах Башкирской АССР [12, л. 15–22]; 2023 г. – в границах Республики Башкортостан [13].

Таблица 3

Результативность естественного движения населения (чел.) Урала в 1892 г.

Table 3

The efficiency of the natural movement of the population (people) of the Urals in 1892

Губерния		Родилось	Умерло	КРЕД
Тобольская	города	2414	5424	2247
	села	61338	85893	1400
	всего	63752	91317	1432
Уфимская	города	3893	5661	1454
	села	84155	93380	1109
	всего	88048	99041	1125
Пермская	города	5931	7875	1328
	села	127648	129890	1018
	всего	133579	137765	1031
Оренбургская	города	6240	11235	1800
	села	61644	73690	1195
	всего	67884	84925	1251
Урал (всего)	города	18478	30195	1634
	села	334785	382853	1143
	всего	353263	413048	1169

Примечание. Составлена и рассчитана по уездам указанных губерний Российской империи на 1892 г. [14, 15].

Литература

1. Мотревич, В. П. Уральская область РСФСР (к 90-летию образования) / В. П. Мотревич // Аграрный вестник Урала. – 2013. – № 11 (117). – С. 45–49.
2. Корнилов, Г. Е. Демографические катастрофы в XX веке на Урале / Г. Е. Корнилов // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2016. – № 1. – С. 490–502.
3. Баранов, Е. Ю. Население и общественные трансформации в СССР: демографические кризисы в условиях «социалистических» преобразований 1930-х гг.: (на материалах Урала) / Е. Ю. Баранов // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2012. – № 3 (104). – С. 219–227.
4. Баранов, Е. Ю. Крестьянство, социальные трансформации и голод в начале 1930-х гг. в СССР (на материалах Урала) / Е. Ю. Баранов // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 1. – С. 1–16. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28498 (дата обращения 21.04.2025).
5. Корнилов, Г. Е. Трансформация демографических структур в городских поселениях (на материалах Уральской области в 1923–1934 годах) / Г. Е. Корнилов // Исторический курьер. – 2021. – № 4 (18). – С. 121–132.
6. Ажигулова, А. И. Демографические процессы на Южном Урале во второй половине 1920-х – 1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук / А. И. Ажигулова. – Оренбург, 2019. – 223 с.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 20. – Д. 41.
8. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 18.
9. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: сборник документов и материалов. – Оренбург: Оренбургское литературное агентство, 2005. – Т. 1. – 285 с.
10. Покровский, В. И. Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения / В. И. Покровский // Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. – СПб.: Тип. В. Киришаума, 1897. – С. 171–238.
11. Рыбаковский, Л. Л. Региональная дифференциация результативности демографических процессов / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова // Социально-трудовые исследования. – 2020. – № 3 (40). – С. 8–17.
12. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 256.
13. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Естественное движение населения Российской Федерации. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения 21.04.2025).
14. Статистика Российской империи. XXXVIII. Движение населения Европейской России за 1892 год. – СПб.: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1896. VI. – 211 с.
15. Обзор Тобольской губернии за 1892 год. Тобольск: Губ. стат. ком., 1893. – [3], 19, [52] с.
16. Журавлева, В. А. Причины смерти городского населения Урала в 1920–1930-е гг. / В. А. Журавлева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2009. – № 32 (165). – С. 10–15.
17. Макарова, Н. Н. Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930–1935) / Н. Н. Макарова // Социум и власть. – 2009. – № 3 (23) – С. 96–100.
18. Денисевич, М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). / М. Н. Денисевич. – Екатеринбург: УрО АН СССР, 1991. – 195 с.

Назаренко Назар Николаевич – доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры биохимии им. Р. И. Лифшица, Южно-Уральский государственный медицинский университет (Челябинск), e-mail: 1000nnn@rambler.ru. ORCID 0000-0002-2425-3649

Поступила в редакцию 5 сентября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260101

THE EFFICIENCY OF THE NATURAL MOVEMENT OF THE URAL POPULATION DURING THE 1927–1934

N. N. Nazarenko

South Ural State Medical University, Chelyabinsk, Russian Federation

The problem of the natural movement of the population of the Ural Oblast of the RSFSR and the Bashkir ASSR in 1927–1934 is considered and an assessment is made using the coefficient of its efficiency (KRED), used in modern Russian demography to assess the demographic situation in regions of Russia. It is shown that the socio-economic processes of collectivization and industrialization that took place in the USSR in the late 1920s and early 1930s did not catastrophically

affect the natural movement efficiency of the Ural's population. There was a short-term demographic crisis in the cities of the Urals in 1933. In rural areas, there was a decrease in the efficiency of the natural movement of the population in certain regions of the Middle Urals.

Based on the dynamics of the effectiveness of the natural movement of the population, the situation in cities cannot be considered the beginning of a demographic transition, and the local short-term decline in the effectiveness of the natural movement of the population of the Urals in 1933 is a demographic crisis not of collectivization and rural populations, but primarily of industrialization (cities and adjacent urbanized regions). For the entire period under review, the population of the Urals as a whole is characterized by a fairly high rate of natural growth with a total increase in the urban population of about 140 thousand people and rural – 1 million. 260 thousand people. The effectiveness of the natural movement of the population of the Urals in the considered catastrophic 1933 was much better than in 2023 and 1892. Based upon the dynamics of the effectiveness of the natural movement of the population, the situation in cities cannot be considered the beginning of a demographic transition, and the local short-term decline in the effectiveness of the natural movement of the population of the Urals in 1933 is not a demographic crisis of collectivization and rural populations, but primarily of industrialization cities and adjacent urbanized regions. For the entire period under review, the population of the Urals as a whole is characterized by a fairly high rate of natural growth with a total increase in the urban population of about 140 thousand people and rural – 1 million. 260 thousand people. The effectiveness of the natural movement of the population of the Urals in the considered catastrophic 1933 was much better than in 2023 and 1892.

Keywords: birth rate; mortality; natural population movement; 1920s-30s; 1933; Urals; Ural Oblast of the RSFSR; Bashkir ASSR.

References

1. Motrevich V.P. Ural'skaya oblast' RSFSR (k 90-letiyu obrazovaniya) [Ural Region of Russia (the 90th Anniversary of the Formation)] // *Agrarnyy vestnik Urals*. 2013. № 11 (117). P. 45–49.
2. Kornilov G.E. Demograficheskie katastrofy v XX veke na Urals [The Demographic Catastrophes of the XXth Century in the Urals Region] // *Ezhгодnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*. 2016. № 1. P. 490–502.
3. Baranov E.Y. Naselenie i obshchestvennye transformatsii v SSSR: demograficheskie krizisy v usloviyakh «sotsialisticheskikh» preobrazovaniy 1930-kh gg. (na materialakh Urals) [Population and Social Transformations in the USSR: Demographic Crises During the «Socialist» Transformations of the 1930-ies (on Materials of the Urals Region)] // *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2012. № 3 (104). P. 219–227.
4. Baranov E.Y. Krest'yanstvo, sotsial'nye transformatsii i golod v nachale 1930-kh gg. v SSSR (na materialakh Urals) [Peasantry, Social Transformations and Famine in the Early 1930s in the USSR (Based on Materials from the Urals)] // *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2019. № 1. P. 1–16. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28498 (date of accessed: 21.04.2025).
5. Kornilov G.E. Transformatsiya demograficheskikh struktur v gorodskikh poseleniyakh (na materialakh Ural'skoy oblasti v 1923–1934 godakh) [Transformation of Demographic Structures into Urban Settlements (Based on the Materials of the Ural Region in 1923–1934)] // *Istoricheskiy kur'er*. 2021. № 4 (18). P. 121–132.
6. Azhigulova A.I. Demograficheskie protsessy na Yuzhnom Urals vo vtoroi polovine 1920-kh – 1930-eg. [Demographic Processes in the Southern Urals in the Second Half of the 1920s – 1930s.]: dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2019. 223 P.
7. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE) [Russian State Archive of Economics (RSAE)]. F. 1562. O. 20. D. 41.
8. RGAE [RSAE]. F. 1562. O. 329. D. 18.
9. Agrarnoe razvitiye i prodovol'stvennoye obespecheniye naseleniya Urals v 1928 – 1934 gg. [Agrarian Development and Food Supply of the Population of the Urals in 1928–1934]: sbornik dokumentov i materialov. Orenburg: Orenburg Literary Agency, 2005. Vol. 1. 285 p.
10. Pokrovskiy V.I. Vliyanie kolebaniy urozhaya i khlebnnykh tsen na estestvennoye dvizheniye naseleniya [The Impact of Fluctuations in Harvest and Grain Prices on the Natural Movement of the Population] // *Vliyanie urozhayev i khlebnnykh tsen na nekotorye storony russkogo narodnogo khozyaystva*. Saint Petersburg: V. Kirshbaum Publishing House, 1897. P. 171–238.
11. Rybakovskii L.L., Kozhevnikova N.I. Regional'naya differentsiatsiya rezul'tativnosti demograficheskikh processov [Regional Differentiation of Efficiency of Demographic Processes] // *Sotsial'no-trudovye issledovaniya*. 2020. Vol. 40, № 3. P. 8–17.

12. RGAE [RSAE]. F. 1562. O. 329. D. 256.
13. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Rosstat). Estestvennoe dvizhenie naseleniya Rossiyskoy Federatsii [Federal State Statistics Service (Rosstat). Natural movement of the population of the Russian Federation]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (date of accessed: 21.04.2025).
14. Statistika Rossiyskoy imperii. XXXVIII. Dvizhenie naseleniya Evropeyskoy Rossii za 1892 god [Statistics of the Russian Empire. XXXVIII. The Population Movement of European Russia in 1892]. Saint Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1896. VI. 211 p.
15. Obzor Tobol'skoy gubernii za 1892 god [Overview of Tobolsk Province for 1892.]. Tobol'sk: Provincial Statistical Committee, 1893. [3], 19, [52] p.
16. Zhuravleva V.A. Prichiny smerti gorodskogo naseleniya Urala v 1920–1930-e gg. [Reasons of Mortality of Ural Urban Population in 1920–1930s] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnye nauki"*. 2009. № 32 (165). P. 10–15.
17. Makarova N.N. Demograficheskaya kharakteristika Magnitogorska: analiz prichin smertnosti i rozhdaemosti (1930–1935) [Demographic Characteristic of Magnitogorsk: Analysis of the Reasons of Mortality and Birth-Rate (1930–1935)] // *Sotsium i vlast'*. 2009. № 3 (23). P. 96–100.
18. Denisevich M.N. Individual'nye khozyaystva na Urale (1930–1985 gg.) [Individual Farms in the Urals (1930–1985)]. Ekaterinburg: UrO AS USSR, 1991. 195 p.

Nazar N. Nazarenko – D. Sc. (Biology), Associate Professor, Professor of the Biochemistry Department named after R. I. Lifshits, South Ural State Medical University (Chelyabinsk), e-mail: 1000nnn@rambler.ru

Received September 5, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Назаренко, Н. Н. Результативность естественного движения населения Урала в 1927–1934 гг. / Н. Н. Назаренко // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 6–14. DOI: 10.14529/ssh260101

FOR CITATION

Nazarenko N. N. The efficiency of the natural movement of the Ural population during the 1927–1934. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 1, pp. 6–14. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260101
